

ИРИНА КАЛИТИНА



РУЖЬЁ

12+

Ирина Калитина

Ружьё

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66602554

SelfPub; 2021

Аннотация

Избалованная девочка четырнадцати лет обращается в полицию с жалобой на отца, поступать так учит детей школьный психолог, в результате она теряет любовь родителей и пытается устроить собственную жизнь современными способами.

Ирина Калитина

Ружьё

Ветхие одеяла, накидки и плед переплелись между собой и в некоторых местах порвались. Постель стала похожа на гнездо, его «свили» на русской печи в остывшем к концу октября деревенском доме.

За окном холодный ветер стряхивает с деревьев последние листья, да экскаватор долбит и долбит грунт, в село ведут газ. Пока работы не завершатся, бабушка – хозяйка жилища, здесь не объявится. Мобильники выключены, а, значит, взрослые не догадаются, где искать ребят.

Из-под тряпок показалась голова на тонкой шейке с чёрными взъерошенными кудрями и синими глазами.

– Пусть помучаются, – будь у девочки шерсть, она встала бы дыбом.

Её бойфренду терзать «предков» – «западло», но перед игрой в любовь остальные эмоции блекнут.

Поможет ли «атака» на родителей выполнить абсурдные требования детей?

Трудный день для родственников. Бабушка в городской квартире не выходит из своей комнаты, чтобы не раздражать сына и невестку.

Несколько лет назад она спросила у матери внучки:

– Не должна ли Женя убирать за собой?

– Моя дочь никому ничего не должна, достаточно поиздевались над нами родители. В двадцать первом столетии дети получили права, живут и развиваются в соответствии со своими интересами, – особа с ногами «от ушей», «поставила на место» свекровь, в прошлом доцента ВУЗа.

Показалось пожилой женщине, что в их доме повесили на стену «чеховское ружьё», и вряд ли новые тренды в воспитании помешают ему выстрелить.

Теперь бабушка думает, что не так уж виновата внучка. Как всякий ребёнок, она играет во взрослую жизнь, в то, что видит вокруг и на экране.

Жене не исполнилось и семи, они с мамой гостили у знакомых в Европейской стране. За ужином на открытой веранде под трели птиц и лёгкий шум ветерка зашёл разговор об образовании на Западе и в России. Хозяин дома, эмигрант, попросил одиннадцатилетнюю дочь Катю, рассказать, чему её в этот день учили в школе.

– Как будет по-русски...? – девочка назвала два слова.

– Пенис и презерватив, – не дрогнув перевёл мужчина, хотя окружающие заметили в нём некоторое напряжение.

– Нас учили надевать презерватив на пенис, – Катя улыбнулась, посмотрела, какое впечатление произвела на людей за столом.

– Что это такое? – спросила Женя.

– Потом расскажу, – мама перевела разговор на другую тему. Трапеза закончилась, и старшая девочка «просветила»

маленькую гостью.

Через несколько лет случился роман Кати с переселенцем из Турции, у парня оказался брат близнец. Девочка не знала, которого из них выбрать, и вступила в интимные отношения с обоими. Ей тогда исполнилось пятнадцать. Мать и отец были в шоке, ссорились с дочерью, но исправно оплачивали контрацептивы.

Потом что-то произошло между девочкой и её возлюбленными, она перестала есть, с диагнозом – анорексия попала в лечебницу, там обвинила в случившемся родителей, пожаловалась, что не может с ними жить. Государство предоставило ей квартиру и психолога, а отец взял на себя содержание.

Женю пытались учить фигурному катанию, игре на пианино, иностранным языкам, водили в бассейн. При первой же неудаче самолюбивая девочка бросала занятие. Чтобы «не ранить неокрепшую душу», никто не объяснял ей, что всякое дело требует труда, создавали для ребёнка «благожелательную обстановку».

«Нашла себя» девочка, как водится, в экспериментах с причёской, окраской волос, гримом, в модной одежде из бутика. Получила всё, что хотела.

Потом с подругами приступила к съёмкам роликов, где они сидят на стуле, соблазнительно раздвинув ноги, со спущенной бретелькой лифчика, многообещающе смотря в камеру «томными» глазами, разместили «кино» в социальных

сетях.

Маме понравилось:

«Осваивает искусство оболыщения, и это – нормально для двенадцати лет, я тоже так делала».

Пакетик со средством контрацепции обнаружился в кармане школьного пиджака, когда ребёнку было тринадцать.

– Что я вижу?! – возглас изумления.

– От этого никто ещё не умирал, психолог на уроке объяснила, что в наше время дети имеют права и могут их реализовывать, – теперь дочь учила мать быть современной, как та – бабушку когда-то.

Однажды, зимним вечером Женя не вернулась домой. На улицах тёмного, холодного, жестокого города потерялся любимый хрупкий человечек, юное, неопытное существо четырнадцати лет. Взрослые запаниковали. Метрономом стучала в мозгу каждая секунда ожидания.

Бабушку с сердечным приступом увезли на «скорой», мама девочки беспомощно вжалась в кресло, держа в руках «безответный» мобильник, отец обзванивал одноклассников дочери, потом – приёмные покои больниц и морги.

В пять утра заскрежетал ключ в замке.

– Где ты была?! Что случилось?! Почему не отвечала на звонки?!

– Мне надоел ваш контроль! Я не просила меня рожать и никому ничего не должна.

Мать почему-то не предполагала услышать собственные

слова в свой адрес. Папа, не тратя слов понапрасну, размахнулся, попал ладонью по носу, побежала красная струйка.

Женя вызвала полицию. Поступила так, как учили в школе.

Не помнил соучредитель солидной фирмы и её директор, с посеребрённой шевелюрой, унижения подобного тому, какое испытал в полицейском участке, где ранним утром молоденькому дежурному с сонными глазами доказывал, что он не алкоголик, не садист и не насильник. Вечером дома появились две дамы, представительницы органов опеки, спросили, в каком году производился ремонт в комнате дочери и сделана ли ей какая-то прививка, ничего этого мужчина не знал, получил резюме:

«Посмотрим, достойны ли Вы быть отцом».

В это время в больнице спасали бабушку, у неё уже был один инфаркт.

«Неужели мама погибнет из-за эгоистичной, дрянной девчонки?» – хмурились густые тёмные брови, собирались морщины на лбу.

Разговор с Женей был коротким:

– До восемнадцати лет ты живёшь в этой квартире, что будешь делать потом, меня не касается, больше знать тебя не хочу.

Мужчина стал возвращаться домой поздно, отворачивался при виде дочери. Жена заподозрила, что у супруга появились другие «ноги», либо он проводит время с первой се-

мьёй, в которой у него есть сын-студент. Чтобы удержать мужа, женщина решила, что девочке на некоторое время следует покинуть отчий дом.

Женя поняла «намёк». Обе сожалели, что, «отсталое, в смысле прав человека», государство не обеспечивает жильём детей, у которых возникают проблемы в семье.

В школе ребят учили, как защититься от родителей, но, как с ними жить после того, как отношения испорчены, не объясняли.

Женя искала выход самостоятельно.

Одноклассники отмечали день рождения Лёши, доброжелательного весёлого мальчишки. Празднование проходило в квартире-студии, которую родители обещали подарить мальчику, когда он станет студентом.

С раннего детства у Лёши не получалось справляться с увлечениями. Сначала он хотел бить ногой по мячу, выскакивал на поле с азартом в глазах, лишь бы ударить, в какую сторону и в чьи ворота не имело значения. После года занятий тренер футбольной секции отказался от него, а мама не настаивала, не хотела «напрягать».

Устроила сына в музыкальную школу, у мальчика обнаружили абсолютный слух, но на занятиях он скучал, увлёкся компьютерными играми, играл даже ночью, приходил в школу, как и многие одноклассники, вялым, не выспавшимся, с искривлённым представлением о действительности.

«Действительность» искривилась в другую сторону, когда

ребята ушли, а нежное существо с синими глазами в чёрных ресницах по имени Женя осталось. Его причинное место и презерватив оказались в маленьких ручках с ямочками на косточках, дальше случился взрыв организма, осколками разлетелись последние мысли, оставшиеся от виртуальных боёв, сумасшедший оркестр звенел в ушах, фейерверк искрился перед глазами.

От компьютерной зависимости мальчик освободился, но радость родителей была недолгой. Одна страсть сменилась на другую. Женя сделалась магнитом, где бы парень не находился, невидимые силы влекли его к ней. Времени на учёбу оставалось меньше, чем раньше.

Летом, чтобы «обеспечить» любимую, он устроился в садово-парковое предприятие. Целый месяц, по четыре часа в день, расчищал газоны, убирал ветки, мёл дорожки, получил за это двенадцать тысяч рублей.

Потом ему понадобился велосипед, мама сняла в банкомате пятнадцать тысяч. Он удивился тому, насколько проще получать деньги таким образом....

Отличавшийся прежде лёгким, уступчивым характером, мальчик начал выставлять требования родителям, ссориться, не заметил, как отношения с Женей переросли в «борьбу за любовь».

Ребята попросили отдельного проживания в той самой студии, где, случился их первый секс. При этом предполагалось, что, как на Западе, старшее поколение возьмёт на се-

бя их содержание. Они фантазировали, что будут обедать в Макдональдсе, играть на «компе», есть чипсы и пить Колу.

Лёшу бесило, что родители, на этот раз, заупрямились. От них поступило встречное предложение: ребята должны хорошо учиться, а мама Жени восклицала:

«Это любовь, любовь!».

Не школьные оценки волновали эффектную даму, дочь должна сохранить влияние на мальчика, не «упустить» его жильё. Если «раздражитель» будет убран из дома, муж останется при ней.

Чтобы выполнить условия старших, ребята летом занялись классической литературой.

Начали со «Старухи Изергиль», ею и закончили, перешли к просмотру трёх серий «Тихого дона» на смарт телевизоре и к краткому содержанию «Войны и мира» в интернете.

Родственникам Лёши этого оказалось недостаточно.

Наступил новый учебный год. Куда идти девочке? Папа отворачивался, мама сделала шаг в его сторону, будто Женя уже не её дочь, бабушка не вмешивается, в школе осторожно дали понять, что «терпят» её из уважения к отцу.

Оставался верный друг Лёша, девочка держала его при себе, уцепившись за «инструмент», облачённый в презерватив.

Дети проголодались, закутавшись в одеяла, слезли с печи.

– Газа нет. Не знаешь, цветную капусту варят или едят сырой? – спросила подруга, обнаружив этот овощ в ящике под окном.

– Не знаю, давай попробуем.

Они помыли, посолили соцветия и сгрызли, запив горячим чаем из электрического чайника с остатками печенья, которое нашли в кухонном шкафу.

– Мы замёрзнем ночью, – предположил мальчик.

– Ты топил когда-нибудь печь?

– Видел, как папа разжигает камин на даче.

– А у нас в коттедже газовое отопление, не знаю, почему бабушка сидит летом в этой дыре за сто «кэмэ» от города...

– Режет глаза, чёрт, забыл дома капли, выписали вчера.

– В школе?

– Нет, в специальной клинике. Мама возит меня только к профессорам, этот сказал, что проблемы связаны с компьютером. Как называется специальность врача, не помню.

– Мне делали операцию в Германии, вырезали чёрное пятно на плече, ездила туда с гувернанткой, родители не говорят по-немецки.

– Твой папа богатый, он купит тебе квартиру после окончания школы?

– Нет.

Синие озёра глаз переполнились. Девочка отвернулась, чтобы друг не видел слёз. Захлопал ястребиный клювик – наследство отца, наполовину кавказца, и характером они мало отличались друг от друга.

– Даже маме не купит. Обставил всё так, что у них нет «совместно нажитого имущества».

В ходе борьбы против всех в хорошенькой головке столпились понятия: «ювенальная юстиция», «возраст согласия», «наследники первой очереди»....

Математика, физика и химия, которую школьные учителя и дорогие репетиторы «заталкивали» в головы ребят, не задерживались там, ибо, по мнению Жени, не могли пригодиться в жизни.

Дети нашли в сенях под скамейкой полешки, засунули в печь, между ними положили старые газеты. Разожгли огонь.

О том, как топится русская печь, ребята знали ещё меньше, чем о приготовлении овощей, и не обратили внимания на задвижку, расположенную высоко под потолком.

Ночью у мальчика в животе начались проблемы с перевариванием сырой капусты. «Удобства», как полагается в деревне, находились во дворе. Он слез с печи, голова кружилась, прошёл через сени, распахнул дверь и потерял сознание. Падая задел пустые вёдра, стоящие на скамейке, в них бабушка держала колодезную воду, ребята использовали её для чая и умывания. Раздался грохот. Девочка проснулась, тоже сползла с лежанки, пошла к дверям с одеялом на плечах, споткнулась и упала на Лёшу.

Утром рабочий экскаватора, гастарбайтер по имени Юсуф, заметил неподвижные фигурки, распростёртые подобно героям трагедии Шекспира, но не в итальянском фамильном склепе, а на ступеньках деревенского дома в российской глубинке. Юсуф о Шекспире не слышал, размышлял не долго,

вызвал скорую.

Пока машина с ребятами подпрыгивала на колдобинах сельской дороги на пути в плохо оборудованную, старенькую районную больницу, фельдшер с мобильного девочки дозванивался до отца, потом глава семьи, бросив дела, договаривался о спасательном вертолёте, а бабушка, физик по специальности, на коленях перед иконой просила Бога сделать так, чтобы выстрел «Ружья» не оказался смертельным.